

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10107

КАТЕГОРИЯ ТРАНСТЕКСТУАЛЬНОСТИ В МЕГАНАРРАТИВЕ В КРИЗИСНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Земфира Гайсаевна Кудрявцева

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, zemfira.kd@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования меганарратива в медиакоммуникации и его потенциал в раскрытии межгосударственных политических конфликтов. Цель исследования — уточнение понятия «меганарратив» и обоснование категории «транстекстуальность» как особого вида взаимодействия медийных текстуральных нарративов в меганарративе. Объединяя нарративы по общей конфликтной теме, меганарратив представляет собой крупную транстекстуальную единицу, которая отражает интересы сторон в дихотомии «свои — чужие». В результате проведенного исследования обнаружено формирование меганарратива вокруг ядра, в качестве которого может выступать политическое заявление органа власти от лица государства или заявление международной организации, в дальнейшем обрастающее откликами различных медийных источников, комментариями в социальных сетях, обсуждениями на новостных платформах. В ходе анализа эмпирического материала нарративных сообщений русско- и англоязычных СМИ было установлено тесное взаимодействие нарративов на периферии, их влияние на последующее формирование составляющих меганарратива и его тональность в целом. Транстекстуальные связи пронизывают меганарратив, связывая ядро и периферию меганарратива, а также объединяя различные институциональные и личностные нарративы периферии. Транстекстуальные связи формируют меганарратив посредством связи одного нарратива с другим, частей нарратива между собой, связи нарратива с затекстовыми комментариями, его интерпретацией, ядра и периферии меганарратива, а также с дискурсом.

Ключевые слова: нарратив, меганарратив, транстекстуальность, кризисная коммуникация, медиадискурс, политический дискурс

Для цитирования: Кудрявцева З. Г. Категория транстекстуальности в меганарративе в кризисной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 58—66. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10107.

Original article

THE CATEGORY OF TRANSTEXTUALITY IN THE MEGANARRATIVE IN CRISIS COMMUNICATION

Zemfira G. Kudryavtseva

Bashkir State University, Ufa, Russia, zemfira.kd@gmail.com

Abstract. The article discusses the phenomenon of meganarrative in media communication and its potential in disclosing interstate political conflicts. The inevitable clash of interests in political conflicts is reflected in the complex hybrid polydiscursive formation of the meganarrative. Uniting narratives on a common conflict theme, the meganarrative reflects the interests of the conflicts sides in the “US/THEM” dichotomy. The structure of the meganarrative is presented in a stepwise manner in the form of a core and a periphery, parts of which are in continuous transtextual connections. In the course of the analysis of the empirical material of the narrative messages in the Russian and English-language media, a close interaction of narratives on the periphery, their influence on the subsequent formation of the meganarrative components and its tonality in general, was established. Meganarrative allows to see a more holistic picture of the depicted event, which is revealed within it in many ways, contrastingly and ambiguously.

Keywords: narrative, meganarrative, transtextuality, crisis communication, media discourse, political discourse

For citation: Kudryavtseva ZG. The category of transtextuality in the meganarrative in crisis communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:58-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10107.

В последнее время понятие «нарратив» активно изучается в различных дисциплинах гуманитарных и социальных наук. Исследования этого феномена, возникшего в нарратологии, широко представлены в философии, истории, психологии, социологии, лингвистике, политологии. Исследователи в области философии и психологии Р. Харре и Й. Брокмейер определяют нарратив сравнительно широко с учетом лингвистического, психологического, культурного и социального аспектов понятия, а также подчеркивают важность степени мастерства владения коммуникативными способностями нарратора. Нарратив представляет собой «некоторый ансамбль лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически ограниченным уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством» [3. С. 31].

Как отмечает В. Шмид, традиционно отнесение произведения к нарративу происходило по признакам коммуникативной структуры, то есть по присутствию в тексте рассказчика. Наличие выражения авторской позиции в тексте является одной из базовых характеристик нарратива, который буквально основан на «преломлении повествуемой действительности через призму восприятия нарратора» [12. С. 10]. Именно субъективный характер нарратива, его открытость к интерпретации, сделали его удобным инструментом манипуляции, поскольку, «создавая нужный нарратив, можно постепенно изменить основной сюжет, главных героев и сам смысл» [2]. Нарратив как способ формирования фактов через повествование, его влияние на восприятие реальности представляет особенный интерес для исследователей манипулятивного потенциала нарратива в политическом дискурсе медиакommunikации: М. Бейкер, А. Г. Кириллов, О. В. Красноярова, Е. С. Москаленко, Е. В. Федосеева, З. З. Чанышева, Е. И. Шейгал, Д. Шифрин и мн. др.

Многие исследователи отметили способность нарратива конструировать реальность, акцентируя особые, значимые и отбрасывая незначительные с точки зрения нарратора моменты событий. Джеральд Принц отмечает, что события, описываемые в политическом нарративе, могут носить относительный и даже вымышленный характер: «универсальный и бесконечно разнообразный нарратив является представлением по крайней

мере двух реальных или вымышленных ситуаций во временной последовательности» [24. Р. 1].

Формирование понятия «политический нарратив» Шол Шенхав связывает с трактовкой концепта «политика», интерпретация которого влияет на широту дефиниции. Так, политический нарратив может либо создаваться политическим институтом (правительство, парламент, политическая партия, политик, политический форум), либо относиться к политическому событию [27. Р. 77]. Так как прагматика дискурса в конкретной коммуникации обуславливает способы функционирования определенных нарративных форм, под политическим нарративом понимается способ репрезентации политических событий, насыщенный субъективной эмоциональной оценкой для реализации авторских целей.

Политический нарратив в медиадискурсе может возникнуть на фоне необходимости решить политическую проблему или оправдать определенные политические меры, принятые для решения проблемы [26]. С этой целью средства массовой информации используют язык как инструмент воздействия при создании политического нарратива, используя средства языка, стратегии и тактики речевого воздействия. Выполняя разные социальные функции в обществе, язык может являться инструментом для общения (на уровне идей), социального взаимодействия (на межличностном уровне), а также «инструментом контроля» (подраздел межличностного уровня) [14. Р. 122].

При возникновении кризисной ситуации СМИ выступают посредником в процессе коммуникации, способствующей производству, распространению и обмену политическим контентом на платформах и в социальных сетях, которые обеспечивают взаимодействие и сотрудничество. Однако при освещении новостей СМИ могут не просто информировать общество, а целенаправленно привлекать внимание читателей, манипулируя сознанием и провоцируя реакцию со стороны вовлеченных социальных субъектов, например политиков, жертв, служб спасения и т. д. [21. Р. 73]. В условиях нарастающей конкуренции между медиаисточниками целью становится привлечение аудитории в более короткий срок, что влечет за собой «уменьшение доли содержания (особенно в сегменте общественно-политической проблематики), предполагающего линейное — последовательное — восприятие, опирающееся

на причинно-следственные связи как необходимый элемент рационального осмысления событий и явлений» [5. С. 106]. Среди разнообразия форматов освещения событий наиболее эффективными становятся эмоционально насыщенные форматы. При нарративном изложении текст обладает способностью быть эмоциогенным, вызывать эмоции у читающего, воздействуя на адресата, для чего в нарратив намеренно внедряются эмотивные высказывания с помощью средств лексики, синтаксиса и интонации [11. С. 40]. Нарратив может послужить удобной формой реализации этого воздействия, так как обладает достаточным потенциалом для построения текста таким образом, чтобы эмотивность текста была эффективной, но неочевидной для читателя.

В наше время общество находится в узле кризисов — постоянно нарастают и затихают кризисы фондовых рынков, межгосударственных отношений, экологические, технологические и естественные кризисы. Любое кризисное событие в значительной степени зависит от раскрытия темы в массмедиа для признания кризисной ситуации в статусе «глобальной», значимой для общества [18. Р. 17], так как кризис имеет социальную форму и большая часть его формирования происходит через текст и устную коммуникацию, в организационных, политических и медийных дискурсах, в публичных и частных пространствах [13. Р. 5].

Понятие «кризис» представляет собой сложный, динамичный, многогранный феномен для исследования междисциплинарного характера. Исследуя изменения концепции понятия во времени и его функционирование в различных дискурсах, Р. Козеллек утверждает, что данное понятие изучается во всех гуманитарных и социальных науках, но именно в медиадискурсе понятие нашло широкое применение. В медиакommunikации раскрылся потенциал понятия, расширились границы и проявилась его многозначность: означавший прежде неизбежное, жестокое и неотвратимое событие, «кризис» включил в себя все неопределенное, подстраиваясь под контекст [22. Р. 398]. Кризис определяется как жизненно важный или решающий этап в развитии чего-либо; поворотный момент, а также состояние дел, в котором неизбежны решительные перемены к лучшему или худшему [13. Р. 6]. В настоящее время данное понятие особенно часто употребляется по отношению к разногласиям, состоянию незащищенности и неопределенности в политике или коммерческой деятельности.

Изучая характер представлений о кризисе в общественных науках, экономике, политологии,

И. А. Соколова выделяет особые общие свойства кризиса. Кризис характеризуется состоянием изменения, сопряженностью с тяжелыми решительными переменами. При этом изменения имеют резкий, неожиданный, внезапный характер и сопровождаются состоянием нестабильности, незащищенности. Качественно данные изменения проявляются глубоко и интенсивно, угрожая существованию или непрерывности устоявшихся процессов, а также отличаясь тяжестью их негативных последствий [7. С. 34].

Кризис может быть не только реальным или потенциальным, но также и мнимым. Некоторые события объективно воспринимаются как реальные или потенциальные кризисы, в то время как мнимые кризисы создаются искусственно без реальных на то оснований: они не несут в себе непосредственную угрозу нормальному образу жизни, не наносят серьезного ущерба, не требуют быстрых и решительных действий. В средствах массовой информации мнимый кризис может возникать на фоне освещения некризисных событий в новостях кризисного типа, что приводит к тому, что Д. Грабер называет «псевдокризисами» [13. Р. 19]. В политике и СМИ часто важнее сама идея кризиса и распространение этой идеи в общественной сфере, чем конкретные события, оправдывающие использование этого термина [28. Р. 17]. Учитывая роль массмедиа в определении места проблемы в обществе, освещение псевдокризиса может, в свою очередь, стать составной частью реального или потенциального кризиса.

Кризис, спровоцированный эпидемией коронавируса, развивается в данный момент стремительно и многосторонне и, конечно, является поводом для различных спекуляций информацией в медиадискурсе. Во всевозможных источниках информации к официальным рекомендациям медицинских экспертов часто приписывают домашние советы, народные средства лечения, ложные теории заговоров, нагнетая страх и сея панику среди читателей. Сомнительная информация распространяется со скоростью света, обеспечивая подписки и просмотры недобросовестным СМИ, которые пользуются тревожностью переживающих о своем здоровье граждан. Внезапное появление нового коронавируса вызвало то, что генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назвал «пандемией дезинформации» [30]. В начале эпидемии петербургская газета «Фонтанка» выпустила статью о студентах, изолированных в общежитии на карантин. Журналисты писали о страдающих в заточении жильцах общежития, которые «стоят

в масках в окнах своего жилища, прикладывают ладони к стеклу и запускают бумажные самолетики с надписью: «Помогите»» [8]. Позже корреспонденты телеканала «Россия 1» выпустили видеорепортаж об этом случае, однако вскоре в Сети появились кадры с камеры видеонаблюдения, на которых видно, как журналистка сама раскладывает эти самые самолетики на ступенях общежития. Эту тему подхватили многие СМИ Санкт-Петербурга, журналисты всячески преувеличивали масштабы страданий изолированных студентов, хотя нахождение в карантине во избежание распространения вируса стало нормой в эпоху разыгравшейся пандемии.

Тема коронавируса в СМИ сейчас является актуальной, интересной для читателя, что также используется для привлечения внимания аудитории с целью скрытой пропаганды. Так, несколько изданий выпустили статьи, обвиняющие Россию в «прокремлевской» дезинформации о коронавирусной пандемии в Европе. Ссылаясь на доклад Европейской службы внешнеполитической деятельности (EEAS), предназначенный для внутреннего пользования, авторы утверждают, что российские провокаторы распространяют ложную информацию с целью подорвать общественное доверие и посеять разногласия в Европе (*Russian trolls are spreading falsehoods about the coronavirus in Europe, using the health crisis to sow distrust and division*) [23]. Сообщения о дезинформации включают утверждения о том, что коронавирус был распространен мигрантами, что это биологическое оружие, разработанное США, Великобританией или Китаем, а также что он якобы связан с технологией 5G. По утверждениям экспертов EEAS, цель кампании — посеять вражду в Европе, усугубить кризис в сфере здравоохранения в западных странах и тем самым помешать эффективному ответу на вспышку заболевания. Авторы утверждают, что, хотя Российское правительство не являлось автором фальшивых новостных статей, оно распространяло ложные теории и дезинформацию, исходящую из других источников (*the Russian government wasn't authoring the fake news articles but rather had amplified false theories and disinformation that come from elsewhere, including from American far-right groups*) [23]. Нарратив насыщен негативными оценками, непроверенными фактами (*Russian government-funded media group*), необоснованными обвинениями (*pro-Kremlin' disinfo, false theories, spreading falsehoods, Kremlin-backed false reports*) [Ibid.]. Модальность псевдофактуальности, созданная при помощи лексических единиц: *claim* (to say that something is true or is a fact, although you

cannot prove it and other people might not believe it), *alert* (to warn someone of a possibly dangerous situation), *say* (to give (as) an opinion or suggestion about something) [16], — создает иллюзию достоверности информации, представленной в нарративе.

Этот нарратив получил развитие в последующих статьях, также ссылавшихся на доклад Европейской службы внешнеполитической деятельности (EEAS) *Assessing the Russian Disinformation Campaign During COVID-19* (ICDS, 13 ноября 2021 г.), *EU accuses Russia, China of COVID vaccine disinformation* (DW, 28 апреля 2021), *Russia, China sow disinformation to undermine trust in Western vaccines: EU* (Reuters, 29 апреля 2021 г.), *EU slams Russia and China for Western vaccines disinformation campaign* (Euronews 29 апреля 2021 г.), *Russia Launches COVID Disinformation Campaign, Targets Western Vaccines* (Voanews, 25 марта 2021 г.), *Meet the Russian 'Information Warrior' Seeking to Discredit COVID-19 Vaccines* (Time, 21 марта 2021 г.), *Russian Disinformation Campaign Aims to Undermine Confidence in Pfizer, Other Covid-19 Vaccines, U. S. Officials Say* (The Wall Street Journal, 7 марта 2021 г.), *Russian disinformation campaign working to undermine confidence in Covid-19 vaccines used in US* (CNN, 8 марта 2021 г.). В последующих статьях обвинения принимают все более широкий характер, события обрастают новыми подробностями, доказательствами, предполагаемыми причинами, появляются ответные обвинения с противоположной стороны, что формирует более крупное дискурсивное образование, которое З. З. Чанышева называет «меганарратив».

Меганарратив — это «функционально-коммуникативная совокупность тематически соотнесенных и событийно связанных медийных нарративов, отражающих конфликтность выражаемых позиций и вступающих друг с другом в определенные отношения конфронтационного типа с «чужими» или согласованного взаимодействия со «своими»» [9. С. 666]. Меганарратив представляется площадкой политического конфликта — конфликта интересов, целей, приоритетов, идеологий, где участники конфликта осуществляют политическое позиционирование, выстраивая наиболее выгодный образ в глазах читателя. В процессе позиционирования особое внимание уделяется способу представления события, форме, а не содержанию, где истина становится несущественной и главный фокус направлен на восприятие информации массовым читателем [25].

Обязательным условием для создания меганарратива является конфликт как базовый критерий,

разделяющий участников нарративной коммуникации по линии «свои — чужие». Триггером к возникновению меганарратива может послужить политическое заявление органа власти от лица государства или заявление международной организации, которые образуют ядро меганарратива. Формирование меганарратива происходит вокруг определенного новостного центра, который в дальнейшем обрастает откликами различных медийных источников, комментариями в социальных сетях, обсуждениями на новостных платформах. Таким образом, меганарратив образует центр и периферию, содержащую эксплицитные или имплицитные отсылки к ядру [9. С. 668].

Меганарратив представляет собой объединение нарративов, которые обладают тематическими, идеологическими, дискурсивными связями. Каждый конкретный текст — это автономный, цельный и законченный феномен, но в современном политическом дискурсе наблюдается тенденция к диалогичности текстов внутри дискурса, так как «автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию» [10. С. 114]. Ю. Кристева называет связь между текстами «интертекстуальной» и рассматривает ее относительно двух осей: по горизонтали — связь текста с автором и читателем, по вертикали — связь текста с другими текстами. Интертекстуальность указывает на отношения между текстами, влияние на формирование смысла текста другим текстом, а также интерпретацию текста аудиторией [17]. А. П. Чудинов понимает под интертекстуальностью «присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и — шире — как элемента национальной культуры» [10. С. 114].

Ж. Женетт придерживается более узкого подхода к трактовке термина и считает интертекстуальность разновидностью более широкого понятия «транстекстуальность». Ж. Женетт определяет транстекстуальность как «все, что устанавливает связь, явную или скрытую, между текстами», а сам текст рассматривает как «место встречи различных высказываний, заимствованных из других текстов» [4. С. 339]. Среди видов взаимодействия текстов он выделяет *интертекстуальность* — эксплицитное содержание в одном тексте элементов другого (цитация, аллюзия, плагиат); *метатекстуальность* — взаимосвязь между текстом и комментариями к нему; *паратекстуальность* — соотношение текста со своим паратекстом (загла-

вием, эпитафией, предисловием, послесловием и др.); *гипертекстуальность* — имитация одним текстом другого (пастиш, пародия); *архитекстуальность* — жанровая связь текстов, «отношение текста со своим архитекткстом», с родовой категорией [Там же. С. 470]. И. В. Арнольд также придерживается узкой трактовки интертекстуальности как «включения в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1. С. 351]. В более узком понимании, интертекстуальность сводится лишь к формальным признакам межтекстовых связей, тогда как транстекстуальность включает в себя все разнообразие отношений между текстами, включая отношения части текста к целому, отношения между разными текстами, отношения текста с более обширными образованиями и т. д.

Транстекстуальные связи внутри меганарратива прослеживаются особенно явно и динамично, так как нарративы влияют друг на друга по ходу образования меганарратива, формируют его через связи одного нарратива с другим, частей нарратива между собой, связи нарратива с затекстовыми комментариями, его интерпретацией, ядра и периферии меганарратива, а также с дискурсом. Эти связи могут выражаться эксплицитно или имплицитно, в зависимости от локализации и типа связи; при этом признаки транстекстуальности не всегда обозначаются четко или имеют границы, так как один и тот же участок текста может нести разные функции транстекстуальной связи [6. С. 100].

Выступление Дональда Трампа 6 декабря 2017 г. о признании США Иерусалима столицей Израиля и переносе посольства в столицу стало триггером для образования меганарратива о вмешательстве США в международные конфликты. Выступление президента США повлекло за собой многочисленные отклики как со стороны участников конфликта — Израиля и Палестины, так и со стороны множества других стран, спровоцировав нарративизацию события в массмедиа. В прессе замечается расхождение нарративов по полюсам «свой — чужой» в оценке заявления Дональда Трампа, которое для Израиля и его сторонников является очевидным, разумным, смелым и справедливым, абсолютно верным решением, отражающим принятие реальности (*common sense to everyone, acknowledge the obvious, the right thing to do, nothing more or less than a recognition of reality, courageous and just decision* [19]), в то время как нарративы со стороны «чужих», в частности образованные ответной реакцией Палестины, критикуют это

решение как незаконное, безответственное и провокационное, лишаящее США права называться «мирным посредником» в международных конфликтах (illegal, irresponsible and provocative [29]; disapproval, criticise the move, abdicating its role as a peace mediator [15]). В политических нарративах активно используется оценочная лексика для убеждения аудитории в правильности своей точки зрения, широко применяются средства выразительности — метафорические выражения, эпитеты, повторы, которые придают убедительность манипулятивным высказываниям, искажая фактуальную информацию.

В данном меганарративе ядро образовано выступлением президента США Дональда Трампа, а периферийные нарративы объединяются по принципу поддержки мнения Трампа со стороны Израиля или его осуждения со стороны Палестины, образуя блоки «своих» и «чужих». Стороны конфликта выражают противоположные мнения в оценке воздействующего потенциала события. С одной стороны, наблюдаются утверждения о мирных намерениях, способствующих упрочению мирных соглашений, убеждения в правильности своего решения в качестве шага на пути к миру: We will arrive at a peace and place far greater in understanding and cooperation; commitment to facilitate a lasting peace agreement; decision is an important step toward peace [19]. С другой — решение рассматривается как принятие только одной стороны конфликта, которое может вызвать насилие и кровопролитие: Some warned of the potential for violence and bloodshed as a result [15]; it openly taking sides with Israel [29].

Однако нарративы периферии образуются не только непосредственными участниками конфликта, но и другими странами и организациями, заинтересованными в урегулировании конфликта. Например, заявление президента США вызвало широкое обсуждение на экстренном совещании Совета Безопасности ООН, где 14 из 15 членов совета осудили решение Дональда Трампа. Этот акт был признан нарушением резолюций ООН и международного права, которое идет вразрез со взглядами совета: violation of U.N. resolutions and international law; the statement goes against the plea of U.N.; U.S. position is not in line with Security Council resolutions and it is unhelpful in terms of prospects of peace in the region; It's not good for us collectively [Ibid.]. Постоянно обвиняя Россию, Китай и Иран в нарушении резолюций, США не заметили, как сами оказались в числе «нарушителей», создавая прецедент, позволяющий пренебрегать постановлениями

Совета Безопасности: U.S. decision set a dangerous precedent for disregarding international laws; U.S. is among the violators [Ibid.]. Решение заседания Совета Безопасности ООН мгновенно отразилось в меганарративе, заставив американское руководство использовать более широкие и обтекаемые фразы, попутно ссылаясь на неверную трактовку высказываний президента: President did not indicate any final status for Jerusalem; He was very clear that the final status, including the borders, would be left to the two parties to negotiate and decide; This is not something that is going to happen this year, or probably not next year [31]. Ответы и комментарии сторон конфликта мгновенно влияют на общую тональность меганарратива, провоцируя реакцию противоположной стороны и изменения во встречных нарративах, что свидетельствует о постоянном взаимодействии нарративов на периферии меганарратива.

Таким образом, меганарратив объединяет все множество взглядов и мнений относительно конфликта, раскрывая ситуацию с разных сторон. Вокруг ядра меганарратива группируются различные отклики медиаресурсов, отражающие позиции государств, задействованных в конфликте (США, Израиль, Палестина), международных организаций (ООН, Евросоюз), политических движений (ХАМАС, европейские политические партии, американские христианские и еврейские организации), а также личностные нарративы отдельных политических лиц и критиков.

Средствам массовой информации отводится центральная роль в процессах освещения политических конфликтов, их осознания, признания и привлечения средств для их решения. Политические конфликты в медиакоммуникации все чаще освещаются в нарративной форме, удобном пластичном формате для формирования политически ангажированных текстов, наиболее выгодно раскрывающих авторскую позицию. Используя язык как средство воздействия, авторы политических нарративов осуществляют скрытое воздействие с целью навязать идеологические установки. Неизбежное столкновение интересов в политических конфликтах находит отражение в сложном гибридном полидискурсивном образовании меганарратива.

Меганарратив как крупная транстекстуальная единица медиакоммуникации представляет собой объединение нарративов по общей конфликтной теме. Меганарратив освещает межгосударственные конфликты в кризисной коммуникации, отражая интересы сторон в дихотомии «свои — чу-

жие». Объединенные общей политической темой, нарративы способствуют глубокому и многостороннему раскрытию конфликта, представляя позиции всех участников конфликта. Внутри меганарратива происходит столкновение интересов сторон, осуществляющих манипулятивное воздействие с помощью приемов и тактик, отражающих политическое позиционирование средств

массовой информации. Транстекстуальные связи пронизывают меганарратив, связывая ядро и периферию меганарратива, а также объединяя различные институциональные и личностные нарративы периферии. Меганарратив позволяет видеть более целостную картину изображаемого события, которая раскрывается внутри него многосторонне, контрастно и неоднозначно.

Список источников

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 448 с.
2. Божедай В. Личный сайт авторских работ. URL: <https://clck.ru/UХeZJ> (дата обращения 27.04.2021).
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.
4. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
5. Назаров М. М. Политическая коммуникация в обществе постправды: граждане и доверие к информационным источникам // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 105—114.
6. Корнеева В. А. Прагмалингвистические особенности феномена полифонии во французской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 12 (723). С. 91—100.
7. Соколова И. А. Дискурс «Кризис»: способы структурно-тематической и языковой организации в текстах СМИ // МИРС. 2012. № 4. С. 33—43.
8. Фонтанка: Студенты таскают авоськи и запускают самолетики с криком о помощи. «Фонтанка» показывает, как выглядит закрытое на карантин общежитие в Петербурге. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/03/05/69017158/> (дата обращения 08.05.2021).
9. Чанышева З. З. Меганарратив конфликта в медийной коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 3. С. 665—669.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
11. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29—42.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славян. культуры, 2003. 312 с.
13. Antoon D. R., Zuraidah M. D. Discourse in Crisis, Crisis in Discourse // Discourse and Crisis: Critical Perspectives / ed. by A. De Rycker, M. D. Zuraidah. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 3—65.
14. Badran D. Ideology through modality: PhD thesis. University of Nottingham, 2002. URL: <http://eprints.nottingham.ac.uk/12216/1/275961.pdf> (дата обращения 20.04.2021).
15. BBC Jerusalem: Trump move prompts negative world reaction. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42250340> (дата обращения 20.06.2021).
16. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 25.12.2020).
17. Chandler D. Semiotics for Beginners. 2020. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/sem09.html> (дата обращения 20.06.2021).
18. Cottle S. Global Crisis Reporting: Journalism in the Global Age. Maidenhead, Berkshire, UK: Open University Press: McGraw-Hill, 2009. 199 p.
19. Fox News: Trump officially recognizes Jerusalem as Israel's capital, orders embassy move for US. URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-officially-recognizes-jerusalem-as-israels-capital-orders-embassy-move-for-us> (дата обращения 21.06.2021).
20. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. P.: Éd. du Seuil, 1982. 576 p.
21. Islam R. Information and public choice: From media market to policy making. Washington, DC: The World Bank, 2008. 250 p.
22. Koselleck R., Richter M. W. "Crisis" Journal of the History of Ideas. 2006. Vol. 67, no. 2. P. 357—400. URL: www.jstor.org/stable/30141882 (дата обращения 13.05.2021).
23. Politico: EU warns of 'pro-Kremlin' disinfo on coronavirus pandemic. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-warns-on-pro-kremlin-disinfo-on-coronavirus-pandemic/> (дата обращения 15.05.2021).

24. Prince G. *Narratology: the form and functioning of narrative*. Berlin: Mouton, 1982. 184 p.
25. Ries AL., Trout J. *The Positioning: The battle for your mind*. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000506722> (дата обращения 23.05.2021).
26. Schlauffer C. Introduction to the Narratives Policy Framework and to the research project. НУГ Seminar 1. 21 January 2020. URL: <https://social.hse.ru/data/2020/02/08/1574160435/seminar%201%20NUG%20intro.pdf> (дата обращения 29.04.2021).
27. Shenhav R. S. Thin and thick narrative analysis // *Narrative Inquiry*. 2005. Vol. 15, no. 1. P. 75—99.
28. Stråth B., Wodak R. *Europe — Discourse — Politics — Media — History: Constructing ‘Crises’ // The European Public Sphere and the Media Europe in Crisis / ed. by A. Triandafyllidou, R. Wodak, M. Krzyzanowski*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 15—33.
29. *The Wall Street Journal*: Fourteen of 15 Security Council Members Denounce U. S. Stance on Jerusalem. URL: <https://www.wsj.com/articles/fourteen-of-15-security-council-members-denounce-u-s-stance-on-jerusalem-1512777971> (дата обращения 07.05.2021).
30. UN News: Press freedom critical to countering COVID-19 ‘pandemic of misinformation’. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/05/1063152> (дата обращения 07.05.2021).
31. *Washington Post*: U. S. Embassy’s move to Jerusalem should take at least two years, Tillerson says. URL: https://www.washingtonpost.com/world/tillerson-us-embassy-move-to-jerusalem-should-take-at-least-two-years/2017/12/08/83ec13ac-7170-4058-9972-11d4a8e8cc18_story.html (дата обращения 07.05.2021).

References

1. Arnol'd IV. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU; 1999. 448 p. (In Russ.).
2. Bozhedaj V. *Lichnyj sajt avtorskih rabot = Personal site of author's works*. Available from: <https://clck.ru/UXeZJ> (accessed 27.04.2021). (In Russ.).
3. Brokmejer I, Harre R. *Narrative: Challenges and Promises of One Alternative Paradigm. Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2000;(3):29-42. (In Russ.).
4. Zhenett Zh. *Figury = Shape*. In 2 vol. Vol 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh; 1998. 472 p. (In Russ.).
5. Nazarov MM. *Political Communication in a Post-Truth Society: Citizens and Trust in Information Sources. Vlast' = Power*. 2020; 28(1):105-114. (In Russ.).
6. Korneeva VA. *Pragmalingvistic features of the phenomenon of polyphony in the French press. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2015;12(723):91-100. (In Russ.).
7. Sokolova IA. *Discourse “Crisis”: ways of structural-thematic and linguistic organization in the texts of the media. MIRS = MIRS*. 2012;(4):33-43. (In Russ.).
8. *Fontanka*: Studenty taskajut avos'ki i zapuskajut samoletiki s krikom o pomoshhi. “Fontanka” pokazyvaet, kak vygljadit zakrytoe na karantin obshhezhitie v Peterburge = *Fontanka*: Students are dragging their bags and launching airplanes shouting for help. “Fontanka” shows how the quarantined hostel in St. Petersburg looks like. Available from: <https://www.fontanka.ru/2020/03/05/69017158/> (accessed 08.05.2021). (In Russ.).
9. Chanysheva ZZ. *Meganarrative of conflict in media communication. Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of the Bashkir University*. 2020;25(3):665-669. (In Russ.).
10. Chudinov AP. *Politicheskaja lingvistika = Political Linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka; 2006. 256 p. (In Russ.).
11. Shahovskij VI. *Emotions as an object of study in linguistics. Voprosy psiholingvistiki = Psycholinguistics issues*. 2009;(9):29-42. (In Russ.).
12. Schmid B. *Narratologija = Narratology*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury; 2003. 312 p. (In Russ.).
13. Antoon DR., Zuraidah MD. *Discourse in Crisis, Crisis in Discourse. Discourse and Crisis: Critical Perspectives*, ed. by ADe Rycker, MD Zuraidah. Amsterdam: John Benjamins; 2013. Pp. 3—65.
14. Badran D. *Ideology through modality*. PhD thesis. University of Nottingham; 2002. Available from: <http://eprints.nottingham.ac.uk/12216/1/275961.pdf> (accessed 20.04.2021).
15. *BBC Jerusalem*: Trump move prompts negative world reaction. Available from: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42250340> (accessed 20.06.2021).
16. *Cambridge dictionary*. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 25.12.2020).

17. Chandler D. Semiotics for Beginners. 2020. Available from: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/sem09.html> (accessed 20.06.2021).
18. Cottle S. Global Crisis Reporting: Journalism in the Global Age. Maidenhead, Berkshire, UK: Open University Press/McGraw-Hill; 2009. 199 p.
19. Fox News: Trump officially recognizes Jerusalem as Israel's capital, orders embassy move for US. Available from: <https://www.foxnews.com/politics/trump-officially-recognizes-jerusalem-as-israels-capital-orders-embassy-move-for-us> (accessed 21.06.2021).
20. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. P.: Éd. du Seuil; 1982. 576 p.
21. Islam R. Information and public choice: From media market to policy making. Washington, DC: The World Bank; 2008. 250 p.
22. Koselleck R, Richter MW. "Crisis" Journal of the History of Ideas. 2006;67(2):57-400. Available from: www.jstor.org/stable/30141882 (accessed 13.05.2021).
23. Politico: EU warns of 'pro-Kremlin' disinfo on coronavirus pandemic. Available from: <https://www.politico.eu/article/eu-warns-on-pro-kremlin-disinfo-on-coronavirus-pandemic/> (accessed 15.05.2021).
24. Prince G. Narratology: the form and functioning of narrative. Berlin: Mouton; 1982. 184 p.
25. Ries AI, Trout J. The Positioning: The battle for your mind. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000506722> (accessed 23.05.2021).
26. Schlauffer C. Introduction to the Narratives Policy Framework and to the research project // НУГ Семинар 1, 2020. Available from: <https://social.hse.ru/data/2020/02/08/1574160435/seminar%201%20NUG%20intro.pdf> (accessed 29.04.2021).
27. Shenhav RS. Thin and thick narrative analysis. Narrative Inquiry. 2005;15(1):75-99.
28. Stråth B, Wodak R. Europe — Discourse — Politics — Media — History: Constructing 'Crises'. In: Triandafyllidou A, Wodak R, Krzyzanowski M (eds). The European Public Sphere and the Media Europe in Crisis. London: Palgrave Macmillan; 2009. Pp. 15—33.
29. The Wall Street Journal: Fourteen of 15 Security Council Members Denounce U. S. Stance on Jerusalem. Available from: <https://www.wsj.com/articles/fourteen-of-15-security-council-members-denounce-u-s-stance-on-jerusalem-1512777971> (accessed 07.05.2021).
30. UN News: Press freedom critical to countering COVID-19 'pandemic of misinformation'. Available from: <https://news.un.org/en/story/2020/05/1063152> (accessed 07.05.2021).
31. Washington Post: U. S. Embassy's move to Jerusalem should take at least two years, Tillerson says. Available from: https://www.washingtonpost.com/world/tillerson-us-embassy-move-to-jerusalem-should-take-at-least-two-years/2017/12/08/83ec13ac-7170-4058-9972-11d4a8e8cc18_story.html (accessed 07.05.2021).

Информация об авторе

З. Г. Кудрявцева — аспирантка кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии.

Information about the author

Zemfira G. Kudryavtseva — Postgraduate student of the Department of English and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 04.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.